

Fr. Altheim, *Geschichte der Hunnen*, Bd. II, Berlin, 1960, 329 стр.

Второй том «Истории гуннов», составленный Фр. Альтхеймом при участии Феодоры — принцессы Саксен-Мейнингенской, Е. Лозована и З. И. Ямпольского (СССР), в значительной своей части посвящен эфталитам (ч. I и II), хотя содержит большой раздел, касающийся других вопросов (ч. II). Фактически том состоит из ряда самостоятельных исследований, объединенных общей проблематикой. Связного изложения истории эфталитов здесь не дается; основное внимание уделяется выявлению неучтенных ранее данных источников и их критике.

Отличительной особенностью рецензируемого тома является широкий исторический подход к рассматриваемым вопросам, большая полнота привлекаемых источников и, главное, стремление проследить некоторые закономерности сложного исторического процесса эпохи переселения народов на обширной территории Европы и Азии. Настоящая рецензия преследует цель рассмотреть разделы, представляющие наибольший интерес для истории Средней Азии, и отметить ряд моментов, в которых точка зрения автора не может быть принята безоговорочно.

Содержание и отчасти структуру рецензируемого тома определяет выдвинутый ранее в литературе тезис о принадлежности эфталитов к гуннам и передвижении последних на запад именно с территории Средней Азии: он четко повторен и во введении к тому.

Другое важное положение, правда не сформулированное, но отчетливо выступающее, — это расширение эфталитского периода истории Средней Азии вплоть до начала VIII в. н. э. Тут уместна была бы специальная аргументация, в частности, рассмотрение вопроса о наличии эфталитских династий в среднеазиатских владениях после собитий 60-х гг. VI в.

Первая часть тома содержит сводку ранее не привлекавшихся или использовавшихся лишь частично известных сирийских (гл. 1) и арабских (гл. 3) источников об эфталитах; сюда же включены и данные о гуннах, содержащиеся в эфиопском переводе арабской хроники Иоанна из Никиу. Важность такой сводки для дальнейшей разработки проблем истории Средней Азии в V—VII вв. н. э. бесспорна. Однако некоторые сообщения, включенные в эту часть, не относятся к эфталитам и их следовало бы как-то выделить, например несколько отрывков из сочинения Михаила Сирийца (гл. I, стр. 4, 12 и 19), явно касающихся собственно гуннов, и ряд выдержек из трудов арабских историков в гл. III, где речь идет о завоевании Средней Азии, но эфталиты не упоминаются. Следует отметить также, что при интерпретации упоминаний гуннов в сообщениях Михаила Сирийца и Иоанна Эфесского о событиях VI в. н. э., и в особенности времени правления Юстиниана II, необходима большая осторожность.

Автор полагает (стр. 27), что вспомогательные войска иранской армии при Каваде I и позднее состояли из эфталитов. Но это можно предполагать лишь для начала его правления; во всяком случае, при Хосрове I взаимоотношения меняются и наличие эфталитов в персидских войсках очень маловероятно. Интересные сами по себе сообщения хроники Иоанна из Никиу непосредственного отношения к эфталитам не имеют: речь в них идет о собственно гуннах, участвовавших в войнах между Византией и Ираном в правление Юстина I и Юстиниана I. При этом из текста яствует, что союзные с Кавадом группы их обитали на западе. Этот момент имеет существенное значение в связи с указанным выше: гунны, упоминаемые в сообщениях других авторов о войнах Кавказа на западе, вовсе не обязательно должны рассматриваться как эфталиты.

Недоказанным — во всяком случае при современном состоянии наших знаний — представляется мнение автора о том, что псевдо-авары относятся к эфталитам. Этот сложный вопрос невозможно рассмотреть здесь подробно; отметим лишь, что все свидетельства в пользу пребывания аваров в Средней Азии, приводимые автором, могут быть интерпретированы и иначе. Прежде всего это касается топонимики.

При разборе известий арабских историков Альтхейм подчеркивает некоторые случаи, когда, по его мнению, под названием тюрков фигурируют эфталиты. Это является закономерным следствием его точки зрения на их этническую принадлежность, которая, однако, представляется спорной. Мы не знаем, какие названия фигурировали в первоисточниках; в каждом отдельном случае следует учитывать возможность последующей замены их названиями, более понятными для того времени, в которое составлялся тот или иной труд, всегда являющийся в ранней своей части компилятивным. Сам термин «тюрки» появляется в совершенно определенное время: не случайно мы не встречаем его у ранних сирийских авторов, сохранивших наиболее достоверные сведения о событиях, происходивших в Средней Азии в V в. н. э. Следует также иметь в виду, что после падения эфталитского государства, и в особенности в период вторжения арабов, в южных областях Средней Азии находились западные тюрки и карлуки — сначала в качестве военной силы, обеспечивающей покорность местных владетелей, а затем как союзники последних в борьбе с новыми завоевателями. Активная роль западных тюрков и тюркшей в борьбе с ними достаточно определенно засвидетельствована источниками. Поэтому сомнительно, например, категорическое утверждение Фр. Альтхейма, что тюрки, с которыми арабы столкнулись в 701 г. между

Кешем и Балхом, были в действительности эфталитами (стр. 71): тут вряд ли следует сомневаться в правильности терминологии текста.

Ряд интересных мыслей и предположений высказан автором в комментариях к арабским источникам. Так, несомненно большого внимания заслуживает предположение о том, что первоосновой средневековой «Песни о Гильдебранде» служит эпизод борьбы сына с отцом в эпосе о Рустеме (стр. 76); путь заимствования шел в данном случае через гуннов и остготов. В качестве решающего вопроса «промежуточного звена» здесь рассматривается упоминание Рустема в одном из приведенных Табари восклицаний Тархуна, т. е. жителя эфталитской территории, бывшей исходным ареалом миграции гуннов. К этому можно добавить, что эпос о Рустеме был сравнительно широко распространен в среде согдийцев как в Средней Азии, так и в Восточном Туркестане. Контакты с согдийцами, а следовательно и возможность заимствования эпоса, существовали как у гуннов, так и у алан: последние, как ираноязычный народ, даже более вероятны в качестве промежуточного звена, через посредство которых этот эпос мог стать известным остготам.

Новой и интересной является попытка выявить в сообщениях Табари о смерти Тархуна и царя Шумана элементы эпического характера, возможно свидетельствующие о существовании специальных поэтических произведений, в которых оплакивались герои. Но есть и явно неудачные моменты. Так, факт сохранения тела Аттилы под китайскими тканями не является основанием для того, чтобы говорить о наличии торговых связей между гуннами и эфталитами (стр. 83). Необоснованным является сомнение в правильности общепринятого отождествления последнего убежища Дивастича с замком на горе Муг: в данном случае сведения письменных источников полностью подтверждаются результатами раскопок и прежде всего архивом пенджикентских владетелей (как показал В. А. Лившиц, в составе его вносятся также документы, связанные с предшественниками Дивастича).

Третья часть рецензируемого тома, как это явствует из первых же абзацев, должна рассматриваться как синтез всего ранее проделанного анализа. Однако она содержит только хронологический перечень основных событий IV—VIII вв. н. э. и краткую характеристику некоторых моментов этнографического и культурно-исторического порядка. Последовательного изложения истории эфталитов, которого следовало бы ожи- дать здесь, Фр. Альтгейм не дает, ссылаясь на недостаточность фактических данных. Последнее, конечно, справедливо, но это не снимает с автора обязанности изложить ход событий в свете предлагаемой им концепции: это является первой и необходимой проверкой ее правильности. Хронологическая таблица ни в какой мере не заменяет такое изложение. В ней почему-то совершенно не учтены данные китайских источников, что несомненно обеднило ее. Кроме того, она содержит ряд моментов, вызывающих сомнение, даже если целиком принять концепцию автора. Непонятно, почему в качестве отправного момента избрано включение северных областей кушанского государства в число сасанидских владений при Хормизде II (302—309): это событие с эфталитами не связано и выбор этого начального рубежа здесь требует пояснений. Некоторые формулировки и термины следовало бы сопроводить комментариями: это, прежде всего, от- носится к термину «тюркско-гуннские эфталиты» (стр. 258). Здесь неясно — что же является определяющим в этническом отношении (учитывая позднее появление самого термина «тюрки»).

Вызывает удивление безоговорочность утверждения, что эфталиты, будучи под верховной властью Ирана, в 60-х гг. IV в. н. э. заняли Согд: доводы, приведенные в пользу этого в т. I (стр. 35), без детального рассмотрения политической ситуации в Средней Азии недостаточны для такого утверждения.

В свете указанных выше данных хроники Иоанна из Никиу также очень рискован- ным является безоговорочное определение гуннов, участвовавших в 532 г. в осаде Мартирополя, как эфталитов (стр. 260). Две даты — 588/89 и 591 г. вообще следует изъять из таблицы: соответствующие события связаны не с эфталитами, а с тюрками. Строго говоря, излишними в таблице являются также почти все последующие события и даты, поскольку они относятся к завоеванию Средней Азии арабами, но не к исто- рии самих эфталитов.

Большой интерес представляет второй раздел тома. Здесь автор дает (правда нечетко) общую характеристику основных моментов, определивших исторические судьбы эфталитов. Это, прежде всего, процесс непрерывного передвижения на запад тюркских племен, начатый гуннами: в его рамках смена эфталитского господства над Средней Азией тюркским была лишь сменой власти этнических родственных групп. Далее — это обусловленная географическим положением подверженностью влияниям со стороны Ирана и Турана, т. е. двух противоположных «полюсов»; здесь воздействие местной оседлой среды оказалось решающим, во всяком случае господствующий слой эфталитов быстро и полностью растворился в ней (стр. 267). Если первое представляется недоказанным ввиду недостаточной обоснованности гипотезы о тюр- коязычности эфталитов, то второе, безусловно, полностью соответствует реальным фактам.

Исходя из отмеченных общих положений, Фр. Альтгейм делает попытку выявить в имеющихся данных этнографические черты, принадлежащие собственно эфталитам, и прежде всего те, которые могут служить свидетельством в пользу близости их к западным гуннам. В первую очередь он привлекает известие Прокопия Кесарийского

о наличии у эфталитов совместной трапезы предводителя и приближенных, которые в случае его смерти следуют за ним в могилу. Эта архаическая черта, очевидно, была свойственна лишь какой-то части эфталитов; такое заключение можно сделать ввиду того, что в китайских источниках об этом никаких упоминаний нет. Ничего подобного у западных гуннов не засвидетельствовано; наличие же и у них совместных трапез и пиров еще не является достаточным основанием для сопоставления, так как это явление было широко распространено среди различных народов Европы и Азии. Оно может рассматриваться лишь как свидетельство существования дружины.

Безусловный интерес представляет наблюдение Фр. Альтхейма, что у западных гуннов не было обыкновения опешать о начале битвы ударами в барабан (или бубен), засвидетельствованного у тюрков. Но мы не имеем никаких данных, говорящих об отсутствии или наличии такого обычая у эфталитов. Фигурирующие в рассказе Табари о столкновении у Мерверруда в 643 г. тюрки, бывшие в барабан, несомненно не являются эфталитами, что явствует из описания всех непосредственно предшествовавших событий.

Таким образом, это сообщение никак не решает вопроса, тем более, что есть достоверные известия о наличии у жителей Средней Азии и Хорасана «наводящих страх барабанов» (т. е. несомненно использовавшихся при сражениях).

Привлекает к себе внимание, к сожалению, очень краткое и не поясненное фактами замечание о существовании у эфталитов обыкновения сравнивать человека и его поступки с животными и их повадками (стр. 268). Этот момент следовало бы рассмотреть подробнее, так как и в других арабских источниках тюркам приписываются высказывания аналогичного характера.

Наряду с этими тремя чертами эфталитов сближает с гуннами, по мнению автора, также то, что они первоначально обитали в юртах, были воинственны и производили опустошения, сопровождавшиеся пожарами, уведом жителей в рабство и преследованием священнослужителей и монахов. Следует ли во всем этом видеть специфику именно гуннов, а не кочевников вообще? Этот закономерно возникающий вопрос, к сожалению, не подвергся должному рассмотрению. Приходится отметить и то, что этнографическая характеристика эфталитов сильно обеднена тем, что совершенно не использованы китайские источники, а в них как раз содержится много данных, характеризующих общественный строй и обычаи эфталитов в первоначальный период обитания их в Средней Азии. В рассматриваемом разделе особо следует выделить попытку установить своего рода «переломный момент» в сообщениях источников — то время, когда в них начинает отражаться процесс восприятия эфталитами культуры местного населения. По мнению автора, он падает на последние годы правления Пероза, ибо в синхронных известиях западных авторов впервые наблюдается разграничение эфталитов и западных гуннов (стр. 269—270). Новые черты особенно ярко выступают в данных Прокопия Кесарийского, который такое разграничение проводит очень четко; они же отражены в таких моментах, как поддержка эфталитами легитимности в Иране, сохранение верности законам гостеприимства и т. д. Однако процесс ассимиляции, как указывает Фр. Альтхейм, коснулся главным образом лишь господствующих слоев; значительная же часть эфталитских племен и в дальнейшем сохранила свой первоначальный гуннский характер, явившись затем источником дальнейших миграций на Запад.

Все это, если исключить последний тезис, заслуживает всяческого внимания, так как дает новый аспект подхода к данным источникам. Но и здесь совершенно необходимо учитывать данные китайских источников, в частности содержащиеся в них свидетельства о сохранении главой эфталитского государства полукочевого образа жизни еще в начале VI в. н. э.

Логическим завершением последнего раздела тома является очерк эфталито-содийской (по терминологии автора) культуры Средней Азии. Поскольку в нем использованы далеко не все имеющиеся в настоящее время материалы VI—VII вв., и часть их несомненно будет проанализирована в третьем томе, останавливаться на нем здесь нецелесообразно. Следует лишь отметить некоторую тенденцию к идеализации эфталитов, возможно невольную, поскольку именно они находят все время в центре внимания.

В заключение хотелось бы указать на неполноту той библиографии советских работ по эфталитам, кидаритам и хионитам, которая имеется в рецензируемом томе. В ней не учтен ряд статей А. Н. Бернштама и С. П. Толстова, опубликованных за последние годы; в то же время включены статьи, которые сам составитель (З. Ямпольский) характеризует как не имеющие прямого отношения к теме.

А. Мандельштам